

К УСТАНОВЛЕНИЮ ХУРРИТСКОГО ТЕРМИНА ŠARR- || ZARR- В ЗНАЧЕНИИ «СЛУГА, РАБ» ПО ДАННЫМ АРМЯНСКОГО И ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКОВ

В хурритских текстах из Богазкея и именах из Нузи (совр. Иорган-Тепе близ Керкука в Ираке) встречается много слов, нарицательных и собственных, имеющих в своем составе корень šarr-||šar- или иногда zar(r)-. Это слово употребляется и самостоятельно. Так как по внешнему виду оно звучит одинаково с аккадским šarr-u — «царь», то отсюда легко заключили, что хурритское слово — того же значения и заимствовано из семитического³. Правда, были и сторонники хурритского происхождения этого слова, как, например, Вейднер, Густав, П. Пурвес и др., но и они не уточняли его значения проверкой на всех примерах. В сравнительно недавно открытом (в 1931 г.) шумеро-хурритском словаре из древнего Угарита (совр. Рас-Шамра в Северной Сирии) в качестве соответствия шумерскому nam-gar-ra приведено хурритское šar-ri (кол. III, 31); в других случаях это шумерское слово заменяется обыкновенно nam-ri или nam-ra, что является синонимом аккадского šallatum — «уводимое из покоренных городов население». Другие же переводят шумерское nam-ra через «пленный, раб, колош»⁴.

В богазкейских текстах для нашего šarri||sar (KUB XXV и XXVII) имеются следующие образования: šarri, šarrēna (мн. ч.), šarribi, šarribina, šarrinibi, šarra, šarras, šarrašti, šarrasihinibi, šarraššihinibinis, šarraššibinašus, šarrašihinibinašus и т. д. и одно собственное мужское имя Šarkabsarri (в одном старохурритском тексте)⁵.

В нузийских же таблицах на аккадском языке даются только собственные имена, как Šartešur, Šartilla, Šarmuli (Šarramuli), Šarmušti..., или с обратной расстановкой — Tešuršar, Tillašar, Pašar, Akipšar, Enšaru, Ewrišarri и пр. и пр.

Мне думается, что перевод встречающегося во всех этих собственных и нарицательных словах элемента šarri или šar через «слуга, раб» вполне подходит. Например, Šartešur «раб бога Тешуна», Šartilla «раб бога Тилла», Tešuršar «Тешуна раб», Tillašar «Тиллы раб» и т. п. Точно так же Enšaru «бога раб», Ewrišar «господина (царя) раб», Pašar «фавна раб» (ср. арм. paġ «пан, фавн»), Dur-šar (ср. урарт. Sar-

¹ Недавно опубликованные Лидией Ботушаровой материалы раскопок фракийского святилища при с. Дюлево («Годишник на Археологически музей Пловдив», кн. I, 1948, стр. 49—56) относятся ко времени поздней империи и потому не могут быть использованы в настоящей статье.

² Н. А. М а ш к и н, История Римской империи, М., 1949, стр. 4.

³ См. «Nuzi personal names», Chicago, 1943, стр. 251 (лист. П. Пурвеса).

⁴ См. A. G ö t z e, Die Annalen des Mursiliš, Lpz., 1933, стр. 228.

⁵ См. J. F r i e d r i c h, Kleinasiatische Sprachdenkmäler, Berlin, 1932, стр. 35.

dur) «стены служитель», т. е. служитель храма, подобно акк. Dur-ili-šu «стена бога его», Ahlipšar «рода моего слуга» и т. д. Эта теофорная ономастика в сочетании со словом «раб» встречается и у других древних народов, как, например, у ассирио-вавилонян: Waradtašmetu «раб бога Т.», Waradkubi «раб (подземного бога) Куби», Warad-duri «слуга стены», Wardistar «слуга (раб) (богини) Иштар», Urdidiglat «слуга (раб) реки Тигр» и т. п. У касситов Melešipak || Mele-^dMarduk, Mele-^dSibarra, Melesah «слуга Солнца», Mele-Sugab «слуга бога Шугаба (= Нергала)» и пр., где слово mele значит «слуга»¹.

В богазкейских хурритских текстах есть также формы šarrinaša, šarriūša, šarrinašta и пр., перед которыми стоит знак «бог», что признается многими за детерминатив и как будто подтверждает аккадское происхождение хурритского šar- в значении «царь». Мне же кажется, что этот знак «бог» скорее является идеограммой и, следовательно, эти формы нужно понять как «бог служения» или «бог служитель». Ведь такую роль (служанок играли богини Нината и Кулита в отношении хурритской (субарийской) Иштар, т. е. Хенит или Шаушка из городов Хаттарина, Кулиупша, Анкува, Таменика (KUB XXVIII, 1'—46', 48'—50'). К этому я бы прибавил и следующую фразу из одного старо-хурритского текста: «au ^dḪidam ewerne luttilāe ^dKumarweneš šarra «смотри на бога Хидам, владетеля преисподни (?), Кумарского слугу»²; Кумарии, как известно, является главным богом этого подземелья у хурритов (по образованию ср. имя другого бога Напарши).

Есть графические данные, которые говорят о том, что в пространстве к югу от исторического Урарту, а именно на территориях вокруг современного Чагар-базара (к югу от Мардина), древнего Митании (бассейн р. Хабур), северной Сирии и пр., хурритское šar-gi звучало zar-gi, не говоря уже о том, что клинообразный знак для «šar» мог произноситься и «sar». Например, в письме митанийского царя Тушратты, посланном египетскому фараону Аменхотепу III, мы читаем: «И твой брат Ипмуриа, египетский царь, статую большую сделал и в город Ихинени, город бога Шимиги, он прибыл и для Шимиги, своего бога, своего отца, он доставил. Из отцовских же даров все эти статуи (taše)³, очень и очень красивые, и со служителем (zar-ga-mān) твоего брата в (свою) страну на показ (šiušī ?!) эту статую он отправил...» (I, 84'—90', перевод мой). Здесь форма zar- вместо ожидаемого šar-, имеет окончание комитативного (Comitativus) падежа на -га, показывающего совместность («вместе с, со, с»), так что написание zar-га может отражать и ожидаемое šar-га. В текстах из Чагар-базара имеется вместо слов с š написание их через z. Наконец, в алфавитных надписях из древнего Угарита z(z) встречается там, где силлабическая клинопись дает š, например, ³Ewrzr || Ewrišarri, Zmgnd || Šimiginidi (направ. падеж от имени бога Šimigi) и т. д.

Имея все это в виду, можно смело принять такое же произношение zar- или zar и у хурритов на верховьях реки Тигр, там, где в горных районах Арме или Ариме (вокруг позднего Аггелены, севернее совр. Диарбекира) и Шуприа (вокруг совр. Муфаркина) продолжали сохраняться последние хурриты-субариты (шуприты). Последние с VII в. до н. э. начали смешиваться с пришлыми хаями (совр. армянами) из Хайаса-Аззи (на верхнем Евфрате, совр. Карасу) и тем самым передали им и много хурритских слов, в том числе и интересующее нас слово zar-gi. В этом слове применялось два клинописных знака, один для zar, а другой для gi. Последний мог выражать и один лишь согласный, так как в клинописи нет другого способа передачи обыкновенного согласного, а знак zar в обыкновенной аккадской графике заменяет также чтение šar, подобно тому, как имеются знаки, обозначающие gaz || gaš, zip || šip, zur || šur, za || sa

¹ Ср. и у поздних арабов — Абдуллах, Абдалмелек, Абдул-мессия и т. п., где «абд» значит «раб».

² J. Friedrich, ук. соч., стр. 35. Перевод приведенного отрывка (строки 20'—21') мой. Вместо «Кумарского слугу» лучше было бы сказать «(что) Кумарскими слуга».

³ См. Гр. Капанцяи, Суффиксы и суффиксированные слова в топонимике древней Малой Азии, Ереван, 1918, стр. 23—25.

и т. п. Так что *zag-ti* могло передать и произношение *ṣarri*, т. е. *ṣarr*. Это *ṣarr* передалось армянам в форме *ṣai-a* (*tsai-a*) — «слуга, раб» с наростом в конце гласного «а», вероятно, под арамейским (сирийским) влиянием. Такое же соответствие клинописного *ṣ* армянскому *с* (= *tš*, близко к русскому *ц*, но без придыхания) мы видим и в следующих примерах: урарт. *ṣue* «море, озеро» = агл. *ṣov* (и груз. *zṣue*) «море», урарт. *ṣari* (*zari*) «дерево» = арм. *ṣar* «дерево» и т. д., тогда как хурр. и урарт. *š* передается армянским *s*, например, хурр. *astī* «женщина, жена» при арм. *ast-em* «женюсь», урарт. *Tušra* при арм. *Tošr* (район совр. Вана), урарт. *ṣanī* «котел» при арм. *san* с тем же значением. В других случаях, между прочим, клинописное *z* передается армянским *ḫ* (= *tš*, что близко к русскому *ч*, без выдоха). Нужно заметить также, что хурритское двойное *ṣ* слова *ṣarr-* (*zarr-*) передано в армянском одним твердым (рокочущим) *i* (не нужно смешивать ни с двойным *ṣ*, ни с одним простым, «мягким», *ṣ*), что в армянском равно отражается на значении, например, *tar* «буква» при *tar* «унеси» (но *tarlarar* «стихия»), *ber* «ноша» при *ber* «принеси» (но *berri* «плодородный») и т. п.

Клинописное *ṣarr* в армянском представлено через *ṣai-a*, а *zarr* могло дать и арм. **ṣara*, чего, однако, нет на самом деле; зато его «окающая» форма представлена в западногрузинской языковой группе, а именно в мегрельском, в форме *ḫkōri* «раб» (из первоначального **ḫor*). Эта общегрузинская тенденция фонетического развития первоначального «*ḫ*» в новые *ḫk*, *ḫk̄*; *ḫ* — в новые *ḫk*, *ḫk̄*; *ḫ* (= русск. *ц*) — в новые *ḫk̄* (= *skh*), *ḫ.ḫ* (= русск. *ч*) — в новые *ḫk̄ḫ*, *ḫḫ*; *j* (русск. *дз*) — в новое *jṣ*; *j* (= русск. *дж*) — в новое *jṣ* и пр. развилась очень давно, задолго до V в. и. э., когда у грузин появилась письменность.

Армяне того же V в. сохранили корни, родственные с грузинскими, уже без этих «децессивных рядов» (так называет их проф. Г. Ахвледиани), например, при груз. *ḫkali* и мегр. *ḫkari* «вода» армяне имеют более старое *ṣar-aw* «жаждущий пить»¹. При груз. *zṣue* — «море» имеем урарт. *ṣue* и арм. *ṣov*, при груз. *ṣon* «подарок» — арм. *jon* (id.), при груз. *ṣavla* «учить» — арм. *ṣovrel*, диал. *ṣavrel* > *ṣarvel* (id.) и т. д.

Наконец, мегрельское *ḫkōri* «раб» (ср. также фамилию *Gegeḫkōri* — «раб св. Георгия» и *ṣaton ḫkōrala* «крепостничество») для своего старого вида **ḫor* имеет поддержку и в армянском слове *ḫort* (с суфф. *-t*) «прислуживающий мальчик, слуга», а позже и «крепостной крестьянин», письменно засвидетельствованном с X в. Быть может, это слово заимствовано было в связи с институтом крепостничества из грузинского языка, где слово *ḫorti*, в письменности раньше также не засвидетельствованное, значит «крепостной с отрезанным ухом» (по лексикографу С. Сулхан-Орбелиани), «каменная статуя, камень холма» (по Чуб.).

Мегрельское **ḫor*, как старая форма, может отражать и более старое **ḫort* соответственно хурр. *ṣarr* или *zarr-*, ибо, как известно, грузинская языковая группа с древних времен, подобно армянскому и урартскому, не терпит двойных согласных (*consonne géminée*). И сейчас даже такие слова, как коммунист, масса, *ṣabba* и пр., нишутся и произносятся у грузин коммунисти, маса, Саба, и т. д. Даже там, где морфологически требуется совместность одного согласного, т. е. двойной согласный, и тут также звучание упрощается, как, например, в слове *ṣameti* «тринадцать» из *at̄* «десять» + *ṣani* «три» + *meti* «больше».

Спрашивается, какими же путями хурр. *ṣarr-* или *zarr-* перешло к мегрельцам в форме **ḫor* или **ḫort*, а возможно, и к армянам и грузинам в форме *ḫort*, если, конечно, в последнем примере *-t* является суффиксом. Тут могло быть два пути: либо через армян с юга, либо же через урартские племена до армянского освоения исторического Урарту. Посредство армянского языка маловероятно, ибо арм. слово *ṣaḫa* «слуга, раб», не представлено своим конечным гласным в этом мегрельском **ḫor* или **ḫort*. Хотя шипящее («чочающее») произношение в армянских южных районах также могло быть, например, *ḫawaket̄* «дитя» женского пола (с семитическим *-et̄* для женских имен?) при обыкновенном арм. *zawak* «дитя» (без отношения к полу),

¹ С суфф. *-aw*, подобно *ḫop-aw* — «сырой», имя села *Ordnav* «Червивый» от *ordn* «червь», имя горы *Sukaw* от *sunk* «гриб» и пр.

но это, во-первых, очень редко встречается, а во-вторых, «обкающая» форма мегрельского языка не может быть доказана на основании армянского языка. Можно было бы допустить, что в восточной (картской) группе у грузин когда-то была форма *сар «раб», давшая закономерно мегрельское *џог, как, например, карт. касі «человек» = мегр. кобі, карт. јаулі «собака» = мегр. јојогі, карт. сулі «душа» = мегр. сугі и пр. Но это будет пока голым предположением, ибо у грузин-картов есть только слова «раб» неизвестного происхождения. Вопрос о посредстве официального урартского языка также отпадает, ибо для понятия «слуга», раб» в урартском существует только слово буга или руга (оставляя в стороне сомнительное weda) ¹.

Мне думается, что мегрелы с лазами, или, как их сейчас называют, «заны», непосредственно переняли слово *џог(г) «раб» от халдаев, или, точнее, халдов, которые за несколько веков до нашей эры передвинулись с пространств к западу от Ванского озера к современному Эрзеруму, где имеется село Kaydariğ (из арм. Xaldariğ — «Халдово поселение»), и далее к берегам Черного моря в современную Лазикку («Халдию»). Подобное же передвижение с юга на север мы видим у хайо-армянов в VI—III вв. до н. э., и у алародов в сторону современной Арагатской и Алашкертской долин, и у мосхов по долине реки Чорох и др. Греческое написание χαλδαῖ -οι отражает семитическое xald-ai «халд, халдянин, халдец» с семитическим суффиксом -ai для этнического происхождения, как kossai-oi, ortai-oi, korduai-oi и пр. с прибавлением греч. -οι для множ. числа. Слова xaldai, assurai и пр. могли обозначать вообще «халдочителя», «ассурочителя» и пр., т. е. любого разноязычного подданного Урарту или Ассирии, которые признавали бы своим верховным божеством Халда и Ашшура. Даже сейчас к северу от Сьерда есть более двух десятков курдских сел под общим названием Халдан. Несомненно, что и лазские халдаи были не урартцами в собственном смысле этого слова, а представителями особых племен, видимо, с примесью хурро-урартских, а может быть, и семитических языковых элементов. В их языке могли бытовать как раз слова вроде џог, которые и передались заннам (чано-мегрелам)

В этой связи я хотел бы обратить внимание и на возможное сходство между мегр. р'ар'ала «обрыв» (с суфф. -ала, например, казахала, екорала и т. д.) и хурр. пар «гора» при урартском баба «гора», арм. баба «холм» (у арм. лексикографа Ереми Мегринского), раиб «возвышенное место» (у арм. историка Матфея Едесского), название горы Памп (откуда совр. Памбак и Памбакское ущелье), село Пашшен (на склоне Витлисского ущелья) и пр. Затем мегрельское сегі «вечер» со своеобразным частым изменением старого l на новое г, возможно, стоит в связи с урартским (resp. халдским) словом sel «ночь» (ср. урарт. Selardi «луна» собств. «ночное светило»), Наконец, груз. ėirano «круг» (орбита вокруг луны), мегрельским («чокающим») своим видом вместе с древнеармянским ėirani «багряно-красный, фиолетовый, синий» (откуда и одежда такого цвета) являются реликтом хурр. ^dTiranna «радуга»², заимствованного из шумерского Tiranna, при урартском обожествленном Turani. Звукопереход t > ė или t > ė нормален в грузинском и армянском. Я не говорю уже о семитических словах (аккад.) в подобных же передачах и одинаковых звуковых соответствиях, подобно арм. ėah-ic или ėah-in «болото», груз. ėa(h)oba и акк. zaĥu-(id.) или, например, груз. ėpeħa, мегр. ėpeħa и арм. ėəpš-el «давить» при акк. řanaku «давить, прижимать» и т. д.

Более того, в мегрельском сохранились легенды, в которых имена героев звучат совсем не по-кавказски или грузински, а идут из хурро-урартского мира. Например,

¹ Значение буга «раб» впервые было установлено мною на основании обычного выражения Lăburastubi в контексте с ERU-astubi — «служгой сделал, я поработил» в Нор-Баязетской надписи царя Русы (Гр. К а п а ц я н, Клин. надп. из Нор-Баязетского района).

в одной легенде говорится о боге Ant'ari-zini. Для этимологии первой части имени этого бога И. Кипшидзе¹ привел следующие слова: груз. antari «обезьяна», араб. аѓг «избранный, самый предпочитаемый», абхазские ait'ari «бог покровитель скота и хуторского хозяйства» или anca, anwa «бог». Вторую же часть zini И. Кипшидзе отождествляет с мегрельским zini «верхний», хотя против этого, по-моему, говорит то обстоятельство, что это прилагательное всегда предшествует определяемому существительному, как, например, — zini boria «верхний ветер», ziniši Ort'a (назв. села), zino-skua «благородный», zin-malu «высоко летающий» (ястреб). Тут, по-моему, неправильны этимологии обоих компонентов. Все это имя бога Ant'a-gi-zini целиком идет с юга. Так, например, при ассирийском царе Адад-Нирара I (1310—1280) упоминается, как эпоним, некий Andari-sini. Для первого компонента имеются параллели в хурритском: Antare, Antarati, женск. имя. Andarese², и урартском: Andaria (имя правителя при ассирийском царе Ашшурбанипале). Второй компонент zini имени мегрельского бога Ant'ari-zini я вижу не только в упомянутом имени Andari-sina, но и в многочисленных хурритских именах из Нузи, как Pašina, Paizana, Purnazini, Bir(i)azina, Uttazina, Ambizina и др., к которым я бы присоединил и имя этиупского царя Diušini из рода Игани (^IIganichei), встречающееся в летописи урартского царя Сурдура³, где ошибочно стоит I-ù-ni-e-ḫi. Этот компонент -sina (-šini) или -zina (-zini), как, вероятно, и имя днаухского царя Sini (XII в. до н. э. при Тиглатпилесере I), несомненно, звучало zina или zini, что и отразилось в имени мегрельского Ant'ari-zini, пародно этимологизируемого с мегр. ži (= груз. ze «наверх»), žini «верхний», žise «сверху». В Армении (в Сюнии) встречается топонимическое Arazin, происшедшее, видимо, из имени бога Ага и того же слова zin (-герой) или «бог»?!).

Вторая мегрельская легенда касается некого героя Арам-хуту (Эрам-хуту), известного своими смелыми набегами на мегрельское село Джвари Зугдидского района (см. у Кипшидзе, стр. 196). Хотя и в этом имени Арам-хуту хотят видеть мегрельское местное начало, имея в виду личное имя Хету или Хуту (а отсюда и имя села Хетуш-мухури или Хутуш-мухури), тем не менее мне кажется, что обе части этого имени Арам-хуту—южного происхождения и привнесены халдами из Урарту. Общеизвестен урартский царь Араме, упорный соперник ассирийского царя Салманасара III, жившего в IX в. Об Араме сохранились легенды и у армян, у Моисея Хоренского, который даже имя армян производит от него. Слово же *хуту* «властелин» также известно в урартском. Например, в военной надписи Аргишти I на ванской («Хорхорской») скале встречается термин *ḫututuḫe* «владычество».

Таким образом, некие племена, пришедшие с юга (хурри-субари, урарту) и почитавшие бога Халда, могли принести запад (чано-мегрелам) на берегу Черного моря разные свои легенды, из которых две — об Аншара-жани и Арам-хуту—сохранились до сих пор, хотя, разумеется, с большими изменениями.

Эти исторические легенды, как и определенный лексический материал, который следует проследить и дальше, дают нам твердую уверенность, что мегрельское *ēkōgi* (из **ēōgi*) «раб» вместе с армянским *saġa* «слуга, раб», а возможно, и арм.-груз. *cort* «прислужник, крепостной крестьянин», вполне подтверждают, что хурритское слово *saġ-* (*šar*) или *zāġ-* (*zar*) имело значение «раб, колон», как это видно из сопоставления шумерского *nam-gar-ġa* с хурритским *saġ-ġi*.

Акад. Гр. Капанцян

¹ И. К и п ш и д з е, Грамматика иверского языка, СПб., 1914, стр. 194—195.

² «Nuzi personal names», стр. 201.

³ Н. М а р р и И. О р б е л и, Арх. эксп. 1916 г. в Ван, Птг., 1922, стр. 47, кол. II, стр. 51.